Троцкий

Организация ТРУДА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 171
О 643

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ЕН171
О643

Л. Троцкий.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА.

Доклад на IX с'езде Р. К. П.

МОСКВА—1920.

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
Политического Управления Революционного Военного Совета Республики.

ЕН171
0643

Института Ленина

1600
27

12153

30774
36 с1.

1062923

11-я Государственная типография, Москва, Мясницкая, 20.

Товарищи! Мы сейчас подведены историей вплотную к задаче организации труда. Организация труда есть по существу организация нового общества, ибо каждое историческое общество является организацией труда. Мы приступаем к организации труда на новых социальных основаниях. Если каждое прошлое общество было принудительной организацией труда в интересах меньшинства; при чем принуждение распространялось меньшинством на подавляющее большинство трудящихся, то мы делаем первую в мировой истории попытку организации труда, в интересах трудящегося большинства. Но это, разумеется, не исключает элемента принуждения. Элемент обязательности не сходит с исторических счетов. Нет, принуждение играет и будет играть еще в течение значительного исторического периода большую роль. По общему правилу человек стремится уклониться от труда. Можно сказать, что человек есть довольно ленивое животное. На этом его качестве в сущности основан в значительной мере человеческий прогресс, потому что, если бы человек не стремился экономно расходовать свою силу, не стремился бы за малое количество энергии получить как можно больше продуктов, то не было бы развития техники и общественной культуры. Стало быть под этим углом зрения лень человека есть прогрессивная сила. Не нужно, однако, делать отсюда такого вывода, что партия в своей агитации должна рекомендовать это качество, как нравственный долг. У нас его и так избыток, и задача общественной организации состоит как-раз в том, чтобы леность вводить в определенные рамки, чтоб ее дисциплинировать, чтобы подстегивать человека при помощи общественной организации труда.

I. МИЛИТАРИЗАЦИЯ ТРУДА.

Подходя к строительству общественного хозяйства на новых основах общественной солидарности, т.-е. на основах коммунизма, мы с самого начала уперлись в вопрос о милитаризции. Целый ряд статей, собраний, речей и дискуссий стоит у нас под лозунгом милитаризации. Некоторые товарищи, в том числе и на

первом месте некоторые виднейшие работники профсоюзов, выражаются по этому поводу в том смысле, что мы-де не против милитаризации, но мы до сих пор не поняли, что это собственно значит. По этому поводу недавно была в «Правде»,—нужно сказать, что в «Правде», нередко на ряду с правильными статьями т. Бухарина печатаются неправильные статьи его добрых друзей,—недавно в «Правде» была небезынтересная, но принципиально неправильная статья тов. Вл. Смирнова, посвященная вопросу о милитаризации труда. Основная мысль следующая: поскольку мы перешли теперь к широкой мобилизации крестьянских масс, во имя задач, требующих массового применения труда, постольку милитаризация является безусловно необходимой и неизбежной. Мы мобилизуем при помощи нашего военного аппарата крестьянскую силу и мы формируем из этой мобилизованной силы трудовые части, которые приближаются по типу к воинским частям. Мы придаем им командно-инструкторский состав, мы оказываемся вынуждены включать туда коммунистические ячейки, чтобы эти части не были бездушны, а были бы одухотворены стремлением работать в интересах целого. Стало-быть мы имеем здесь полное приближение к военной форме организации. Здесь слово милитаризация, как видим, вполне уместно. Но, говорит тов. Смирнов, если мы перейдем в область промышленности, в область квалифицированного труда, где имеются профессионально-производственные организации рабочего класса,—там нет никакой надобности применять военный аппарат для формировния частей, там нет стало быть и речи о милитаризации в указанном смысле слова. Там есть профсоюзы и они выполняют задачу организации труда. Товарищи! В такой постановке вопроса сказывается полное непонимание существа того хозяйственного перелома, который происходит в настоящее время. Разумеется, разница между пролетарской рабочей силы, организованной в профсоюзы, и между крестьянской рабочей силой, изымаемой из деревни военным аппаратом, огромная. Милитаризация в одном случае будет проводиться не теми путями, что в другом. Тем не менее сводить вопрос о квалифицированной рабочей силе к факту существования профсоюзов, думать, что союзы, как таковые, самым фактом своего существования разрешают—без милитаризации—трудовые задачи в отношении обученных квалифицированных рабочих,—это значит не

понимать самого существа вопроса. Пролетарская рабочая сила, и в том числе квалифицированная, покупалась при капитализме на вольном рынке—и она передвигалась с места на место по течению цен, по законам спроса и предложения. Это называлось вольнонаемным или «свободным» трудом. Профсоюзы выросли на об'единении этого «вольного» труда, на стремлении путем борьбы в форме стачек и т. д. отвоевать для наемного труда более благоприятные хозяйственные условия. Нынешние задачи профсоюзов в корне отличны: кто сейчас распределяет рабочую силу, кто ее направляет туда, где она необходима для выполнения хозяйственных задач строящегося социалистического общества? Профсоюзы по соглашению с советскими хозяйственными органами. Какие методы и приемы имеются в распоряжении союзов для того, чтобы рабочий, направленный в определенное место, пошел именно в это место и там работал? Методы и приемы милитаризации труда, методы приказа и исполнения. Рабочий передвигается сейчас у нас с фабрики на фабрику, с завода на завод не «по своей воле», как это называлось при капитализме, т.-е. не под давлением безличного хозяйственного принуждения, не под ударом голода, как это было при царстве капитала,—он направляется и должен направляться на определенную работу по указанию союза—в соответствии с единым хозяйственным планом, проводимым соответствующими органами рабочего государства.

Стало быть рабочие сейчас прикреплены к заводам и фабрикам и перемещаются только по наряду, по приказу. Разумеется, один рабочий это прикрепление испытывает как общественную службу, которую он выполняет по своему внутреннему убеждению, в интересах поднятия народного хозяйства; другой не разбирается еще в этом; третий, наиболее отсталый, испытывает сегодня новый режим. как голое принуждение и противится этому. Такие есть, и их не мало, об этом лучшим свидетельством является статистика профессионального движения. В важнейших отраслях промышленности у нас значится занятых 1.150,000 рабочих, а на самом деле их—850,000; так было месяца полтора—два тому назад. Куда девались 300,000? Они ушли кто куда: в деревню, в другие области, в другие отрасли промышленности, в спекуляцию. 300,000—на 800,000, это огромный процент. Как это называется по отношению к солдатской среде? Дезертирством.

Что с этим делать? В армии есть соответствующий аппарат, который пускается в действие для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. То же должно быть в том или другом виде и в области трудовой. Ибо если мы серьезно говорим о плановом хозяйстве, которое охватывается из центра единством замысла, при чем рабочая сила распределяется в соответствии с этим хозяйственным планом, в таком случае рабочая масса не может быть бесформенно-текучей массой, бродячей Русью. Она должна быть прикрепляема, перебрасываема, назначаема, командируема. Это и есть милитаризация труда, не ее юридическая форма, а ее хозяйственная основа, и без этого ни о какой промышленности на новых основаниях серьезно говорить в условиях переходного периода, в обстановке разрухи, голода, холода, мы не можем. Кто же выполняет эту работу распределения и принуждения? Основную часть работы выполняют профессиональные союзы. Ясно, однако, что новые задачи и приемы союзов в корне отличаются от прежних. Тов. Томский, в качестве председателя совета профессиональных союзов при капитализме, где он отстаивал интересы рабочих против капитала, и тот же Томский, в качестве председателя профессионально-производственных союзов в рабочем государстве—ведь это же два разных исторических явления. При господстве капитала профсоюзы охраняют рабочих от его гнета и от гнета государства. Нынешнее государство не менее союзов заинтересовано в охране рабочего класса. Отсюда совершенно новая роль союзов. Они вместе с опирающимся на них комиссариатом труда и рука об руку с соответствующими хозяйственными органами перебрасывают рабочих с завода на завод и применяют кару, т.-е. прибегают к соответственному государственному органу для кары по отношению к тем рабочим, которые не выполняют их плановых нарядов. Это и есть милитаризация рабочей силы, основа милитаризации промышленности.

Ставить вопрос, как делает т. Смирнов, значит скользить по поверхности явлений. По отношению к крестьянам тов. Смирнов признает милитаризацию: там,—говорит он,—это понятно, у крестьян нет профессиональных союзов; но по отношению к рабочим, профессиональный союз заменяет милитаризацию. В корне неверно. Союз не заменяет милитаризацию, а проводит ее, является ее организованным выражением. Если в деревне при

трудовой мобилизации крестьян действует военное ведомство, ибо другого аппарата для этой цели там нет,—губернский, уездный, волостной комитеты по трудовой повинности естественно опираются на военный аппарат,—то по отношению к рабочей силе промышленности, к пролетариату, таким мобилизационным аппаратом является прежде всего профессиональный союз. Но этот союз вынужден присваивать себе, в условиях переходной эпохи, такие права по отношению к своим членам, какими раньше пользовалась только военная организация. Я спрашиваю далее, кто будет по отношению к мобилизуемым для труда крестьянам активным носителем этой мобилизации? Очевидно, передовые рабочие. Только они—строители хозяйства через профессиональные союзы—могут милитаризировать, дисциплинировать крестьянские массы, привлекаемые к труду на основании трудовой повинности. Такая милитаризация, однако, немыслима без внутренней милитаризации самих профессиональных союзов, без установления в них такого режима, при котором каждый рабочий—в сознании всей глубины хозяйственного разорения—чувствует себя солдатом труда, который не может собой свободно располагать, но должен до конца оставаться на посту, чтобы не погибла советская страна. Если дан приказ работать не 8 ч., а 10 часов—он работает, ибо тем спасает будущность своего класса. Он переходит с завода на завод, когда этого требуют интересы социалистического хозяйства. Если он не выполнил приказа, он дезертир и подлежит каре. Кто проводит это через сознание пролетариата? Профессиональный союз. Он создает новый режим суровой исполнительности. Это и есть милитаризация рабочего класса.

Вот этого-то не поняли до настоящего времени некоторые товарищи и невинно заявляют: «Мы бы рады-радехоньки признать милитаризацию, но не понимаем, что она означает». Это непонимание означает только, что они отстали до последней степени от организационно-хозяйственных задач, как они стоят перед нами в настоящее время. Когда один из видных профессионалистов тов. Кутузов пишет в «Экономической Жизни», в органе, к которому имеет некоторое отношение тов. Рыков: «Если тов. Троцкий под милитаризацией понимает уничтожение рабочих коллегий и подчинение заводов военспецам, то это,—пишет он,—преждевремен-

но». Не угодно ли?.. Разумеется, такое понимание милитаризации чудовищно и показывает, что некоторые товарищи, которые, то признавая наши методы создания Красной армии, то отрицая их, не отдавали себе отчета в том, что такое собственно милитаризация в нашей армии, и наивно воображают, что наша армия была милитаризована военными специалистами,—т.-е. что мы пригласили десятка два генералов, полковников, и они из расхлябанной сырой массы—сперва партизан, потом мобилизованного мужицкого сырья—создали настоящую армию, дисциплинированную, боевую, т.-е. «милитаризованную». Ничего подобного. Это были передовые рабочие, которых давали, между прочим, профессиональные союзы,—лучшие, наиболее самоотверженные члены партии коммунистов, которые, будучи поставлены на определенные посты в условиях фронта, прониклись сознанием величайшей ответственности за судьбы революции и сделали все практические выводы. Конечно, мы широко и с успехом пользовались специалистами, но дух революционной милитаризации, т.-е. строгой ответственности, безусловной исполнительности вносили рабочие-коммунисты. Сейчас наша задача заключается в том, чтобы этот опыт перенести на трудовую область. И здесь режим твердой, неукоснительной, железной исполнительности является не менее важным и неотложным, чем в Красной армии. Опасность здесь не менее велика, а задачи несравненно более грандиозны.

II. ЕДИНЫЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПЛАН.

Все это — и трудовая повинность и милитаризация труда — может иметь свой смысл только в том случае, если у нас есть аппарат правильного хозяйственного применения рабочей силы на основании единого, охватывающего всю страну и все отрасли производственной деятельности хозяйственного плана. В том проекте тезисов, который вам сейчас роздан, вы найдете на втором месте пункт об единстве хозяйственного плана. Этот пункт не был выделен в первоначальном проекте, что, являлось, несомненно, серьезным редакционным упущением. Тов. Гусев обратил на это внимание Центрального Комитета своей интересной брошюрой. Насколько знаю, никто до Гусева так точно не формулировал содержание этого вопроса. Тут, конечно, нет

откровения, но лишь выражено то направление, которого мы в общем и целом держались в нашей хозяйственной работе, указан тот путь, по которому мы идем. Прежде всего надо обеспечить возможность жить в стране—хотя бы в нищенских условиях,—рабочему классу, как таковому, сохранить, спасти промышленные центры, города. Если мы не хотим растворить город в деревне, промышленность в земледелии, окрестьянить всю страну, мы должны поддержать хотя бы на минимальном уровне наш транспорт и обеспечить хлеб для городов, топливо и сырье для промышленности, фураж для скота. Без этого мы не сделаем ни шагу вперед. Так что ближайшая часть плана—улучшение положения транспорта по крайней мере предупреждение дальнейшего падения транспорта и заготовка необходимых запасов продовольствия, сырья и топлива. Весь первый, ближайший период будет целиком заполнен сосредоточенным напряжением рабочей силы на разрешении этой задачи, которая есть предпосылка всего дальнейшего. Такую задачу мы поставили, как вы знаете, нашим трудовым армиям. Будут ли первый период и следующие измеряться месяцами или годами, сейчас трудно предсказать—это зависит от многих причин, начиная с международного положения и кончая единодушием и выдержкой нашей партии.

Второй период—это машиностроение в интересах транспорта, добычи сырья и продовольствия. Здесь в центре всего стоит паровоз.

Третий период—машиностроение в интересах производства предметов широкого массового потребления.

Наконец, четвертый период, опирающийся на завоевания трех первых—это производство предметов массового потребления.

Эта общая директива имеет большое значение как для практической работы хозяйственных органов, так и для пропаганды по поводу наших хозяйственных задач среди рабочих масс. Никакая трудовая мобилизация у нас не пройдет, если мы не захватим за живое все, что есть честного, сознательного, одухотворенного в рабоче-крестьянской массе. Мы должны рассказать массам всю правду о нашем положении и о наших видах на будущее, сказать им открыто и ясно, что наш хозяйственный план при максимуме напряжения со стороны трудящихся не только не даст нам завтра кисельных берегов и молочных рек, но и не рассчи-

ции на это, ибо в ближайший период мы направим нашу главную работу на то, чтобы подготовить условия для производства средств производства. И лишь после того, как мы обеспечим хотя бы в минимальных размерах возможность восстановления средств производства, мы перейдем к производству предметов потребления. Таким образом, непосредственно, осязательный для трудящихся плод работы, в виде предметов личного потребления, получится лишь в последней, четвертой стадии хозяйственного плана и только тогда наступит серьезное облегчение жизни. Массы, которые будут в течение продолжительного времени еще нести на себе всю тяжесть труда и лишений, должны во всем об'еме понять неизбежную внутреннюю логику этого хозяйственного плана, чтобы оказаться способными вынести его на своих плечах. Иначе у них десять раз лопнет терпение.

Разумеется, мы были бы близорукими скептиками, крохоборами мещанского типа, если бы представляли себе, что возрождение хозяйства будет постепенным переходом от нынешнего полного хозяйственного распада к тем его состояниям, какие распаду предшествовали, т.-е. что мы по тем же самым ступенькам, по которым спускались вниз, будем и подниматься наверх и через некоторое, довольно продолжительное время доведем наше социалистическое хозяйство до того уровня, на котором оно было накануне империалистической войны. Такое представление было бы не только неутешительным, но и безусловно неправильным. Разруха, уничтоженная и разбившая на своем пути неисчислимые ценности, уничтожала и много рутинного, затхлого и тем самым очищала путь для нового строительства в соответствии с теми техническими данными, которые имеются теперь у мирового хозяйства.

Если русское капиталистическое хозяйство развивалось не переходя со ступени на ступень, а перескакивая через ряд ступенек и в первобытных степях нашего юга заводило американские заводы, то тем более такой форсированный путь доступен социалистическому хозяйству. После того, как мы преодолеем злую нищету и скопим небольшие запасы, мы сможем перескакивать через целый ряд посредствующих ступеней. Так, мы сможем, несомненно, сразу перейти к электрификации во всех основных отраслях промышленности и в сфере личного потребления, не про-

ходя снова через «вск пара». Программа электрификации у нас намечена в ряде последовательных стадий, в соответствии с основными этапами общего хозяйственного плана. Стало-быть, здесь перед нами открываются очень большие перспективы, осуществление которых, конечно, будет зависеть от нашей энергии и способности, т.-е. от фактора суб'ективного, и от об'ективных условий, в виде того наследства технических методов и приемов, которые оставило нам предшествующее развитие.

Но прежде всего нам надо выбраться из той топи, в которой мы погрязли по самую шею. Об уровне хозяйственного нашего «преуспеяния» мы с достаточной точностью можем судит уже по тому положению, в котором находится хотя бы наш кремлевский двор. Стыд и срам! Мы сколько угодно полемизируем о коллегиальности и единоначалии, но пока еще воз нашего хозяйства не сдвинут с места, и нужно, чтобы нас не слишком обманывал размах полемики и словесного под'ема, потому что еще серьезного и несомненного улучшения нет ни в одной основной области. Нажим лучших коммунистов дал чуточное улучшение в транспорте, и то лишь на поверхности, а не в основе.

Стало-быть единый хозяйственный план, как основа применения рабочей силы—и полное сосредоточение всей энергии на первых, элементарных задачах. Не рассеивать внимания, не дробить силы, не разбрасываться. Таков единственный путь спасения.

III. «ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ» ТРУД И ЕГО ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ.

Применение сырой, необученной рабочей силы будет тем значительнее в ближайший период, чем больше разрушено и изношено наше машинное оборудование. В тесной связи с этим стоит вопрос о так называемых трудовых армиях, т.-е. о применении воинских частей, в качестве массовой рабочей силы.

На первых порах идея трудармий встретила суровую оппозицию даже в нашей собственной среде. Нам указывали, прежде всего, на то, что производительность труда в трудовых армиях будет неизбежно очень низка: «принудительный» труд—видите ли—отличается низкой производительностью. Предсказывали даже, что солдат, превращенный из красноармейца в трудармейца, бросит свой пост и вернется домой, считая, что его задача вы-

полнена. Это были главные два довода, которые направлялись против идеи трудовых армий. Оба они оказались совершенно ложными. Но суть не в том, что те или другие возражения против трудармии оказались ложными, а в том, что под этими возражениями скрывается бессознательное недоверие к методам социалистической организации хозяйства в переходную эпоху.

Если принять в самом деле за чистую монету буржуазный предразсудок или, вернее, старую буржуазную аксиому, которая в новых условиях стала предразсудком—о том, что «принудительный» труд не производителен,—то аксиому эту придется отнести не только к трудармии, но и к трудовой повинности в целом, т.-е. к самой основе нашего хозяйственного строительства. Конечно, можно без труда развернуть перспективу свободной, непринудительной организации социалистического хозяйства. Но это вопрос более или менее отдаленного будущего. Трудовое принуждение, постепенно отходя назад, в конце концов совершенно отомрет, и в хорошо организованном социалистическом хозяйстве труд не будет ощущаться, как принуждение, ибо станет физической и духовной потребностью для каждого человека. Но на пути к этому состоянию есть еще много переходов, в течение которых элемент принуждения будет оставаться во всей своей силе. Прежде чем исчезнуть, государственное принуждение достигает в переходную эпоху высшего напряжения в деле организации труда. И если признать, что принудительный труд не производителен, то этим самым осуждается не только трудармия, но все наше хозяйство. Общество есть организация труда и если труд организован на неправильном принципе принуждения, если принуждение враждебно производительности труда, значит мы осуждены на экономический упадок, что бы мы ни делали и как бы ни изворачивались.

Но к счастью это лишь грубый предразсудок, товарищи. Утверждение, что свободный, т.-е. вольнонаемный труд производительнее труда принудительного, было безусловно правильно в применении к эпохе перехода от строя феодального к строю буржуазному. Труд рабочих на мануфактуре и затем на фабрике стал безусловно производительнее труда крепостных, как и труда ремесленных подмастерьев средневекового цеха. Но эта возросшая производительность не упала с неба, как последнее откровение или как естественный плод «свободного» труда.

Потребовались долгие годы организационных попыток и усилий применения новых методов трудового принуждения, новых приемов эксплоатации рабочей силы, прежде чем появились на свет американизм и тейлоризм. Буржуазия научилась лишь постепенно, путем испытания разных методов выжимать из рабочих гораздо больше труда, чем в эпоху крепостничества благородное сословие выжимало из крепостных крестьян. Но это развитие производительности труда, на основе вольнонаемного рабства, подготовило смену хозяйства капиталистического коммунистическим, и по отношению к этой новой колоссальной революции применять те истины, которые были правильны по отношению к революции буржуазной, значит оставаться в шорах мещанских предразсудков.

Не правда, что принудительный труд при всяких обстоятельствах и при всех условиях непроизводителен. Весь вопрос в классовом содержании принуждения: кто кого и для чего принуждает? Психологически задача состоит в том, чтобы трудящийся был не только внешне, но и внутренне втянут в процесс труда, т.-е. так или иначе заинтересован в нем. Это делал по-своему каждый общественный строй. Феодальный строй пускал для этого в ход опиум религии, ложь и обман иерархии попов, чтобы одурманить и запугать мужика. Буржуазия, пришедшая на смену феодалам, имела свои методы лжи и обмана. Они были ей необходимы, ибо буржуазное общество, как и феодальное, есть господство меньшинства, которое прижимает и эксплоатирует большинство, и потому вынуждено маскироваться ложью и мистификацией. Разумеется, в основе буржуазных методов эксплоатации лежит чистотан и идеология чистогана. Сюда входит, прежде всего, определенная оплата труда: поштучная, сдельная, аккордная и т. п., известные премии, приманка карьеры, которой добивались некоторые счастливчики и пр. и пр. Все это служило для поднятия производительности труда. Возьмите тредюнионы. Они не только служили для улучшения условий труда, но были широко использованы буржуазией для повышения производительности труда, путем поднятия в рабочих чувства профессиональной чести. В области идейной обработки, духовного нажима, буржуазия совершила колоссальную работу через посредство своих слепцов, в частности через попов. С ними она как поступала? По-разному.

Она их прогоняла, затем опять призывала. Так же она поступала с религией и самим богом, старшим жандармом труда, прибегая к нему, когда ей нужно было дисциплинировать и подстегивать рабочие массы. Пресса, школа, политическая трибуна были наряду с церковной кафедрой, могущественными средствами для увеличения производительности труда. И монархия и республика являлись в разные моменты истории необходимыми орудиями, чтобы удержать в своих руках контроль над трудящимися и выкачать из них максимум прибавочной стоимости.

Таким образом, дело обстоит вовсе не так, будто буржуазный строй сразу начал с высокой производительности труда, получив ее как естественную придачу к «свободному» труду. Нет, эта производительность труда составляла историческую задачу и прежде всего, сознательную задачу самих правящих эксплоататоров, руководителей промышленности и государства, администраторов и техников, которые эту задачу разрешали в течение десятков лет путем применения десятков и сотен средств, путем премий и репрессий, просвещения и обмана, путем мобилизации ангелов, архангелов, тюремщиков и палачей. И для советской республики производительность труда не есть голая формула, секрет которой нужно угадать, а грандиозная практическая задача, которую нужно на опыте разрешить. С нашей стороны, со стороны строителей нового общества, также требуется система комбинированного воздействия на организацию труда и на трудящихся. Разумеется, мы не можем быть, подобно буржуазии, поставлены в необходимость что-либо скрывать от масс, не говоря уже о том, чтобы их обманывать: мы организуем труд в интересах трудящихся. Но и социалистическому обществу—так же, как и буржуазному—высокая производительность труда не дается сама по себе. И мы стоим перед необходимостью применения сложнейшей системы средств и методов—агитационных, организационных, поощрительных и карательных—для того, чтобы повышать производительность труда на тех «принудительных», т.-е. плановых, а не вольных рыночных основах, на которых строится все наше хозяйство. Поэтому когда кто-нибудь говорит, что военный труд, как принудительный, не производителен, то он бьет этим гораздо дальше, чем метил. Если это либерал, мы просто прогоним его. Но если это искренний социалист, который не понимает

смысла переживаемой эпохи, мы ему скажем: ты говоришь, что принудительный труд вообще не производителен; на самом же деле ты хочешь сказать, что мы пока еще не достигли больших результатов в деле социалистической организации труда, что мы еще школьники в этой области, что нам еще предстоит проделать много опытов и ошибок.

Нам нужно не болтать о мнимой непроизводительности принудительного труда вообще, а учиться повышать эту производительность всеми средствами, которые имеются у рабочего государства.

На первом месте стоят меры идейного порядка: агитация, духовное вовлечение самых широких масс в интересы хозяйства, так чтобы каждый рабочий, крестьянин, каждая крестьянка научились понимать теснейшую связь их личной судьбы с хозяйственной судьбой всей страны при новой системе общественных отношений.

Далее вопрос об организации труда, т.-е. о качествах и свойствах самого аппарата учета, мобилизации и применения труда имеет для успеха дела колоссальное значение. Если наш аппарат не годится,—а он пока еще мало совершенен во всех областях,—то, разумеется, мобилизованный крестьянин, которого бросают на железную дорогу для чистки снега, а лопат не приготовляют, не может заразиться энтузиазмом от такого рода общественно-принудительной организации труда. Для того, чтобы он как можно меньше ощущал тягостный характер принуждения, необходимо прежде всего, чтобы массовые мобилизации производились только ради безусловно необходимых работ, и чтобы аппарат работал как следует, т.-е. чтобы количество мобилизованных рабочих рук соответствовало об'ему задачи, чтобы там, куда эти силы направлены, были на лицо продовольствие, инструменты труда и инструктора с головой на плечах. Это все элементарные условия, но без соблюдения их нечего и думать о производительности труда.

Нужна далее личная заинтересованность каждого рабочего, каждого крестьянина в отдельности в непосредственных плодах применения его рабочей силы. Я говорю о премиальной системе, которая необходима в нашу переходную эпоху. До тех пор, пока в нашем распоряжении предметов продовольствия в обрез, пока мы не можем децентрализовать систему распределения предметов широкого потребления, чтобы каждый мог получить везде, где он

находится, то, что ему нужно (этого мы достигнем только в результате четвертой стадии нашего общехозяйственного плана, справившись предварительно с предшествующими тремя стадиями в течение ряда лет упорного труда)—до тех пор наше распределение должно оставаться централизованным и находиться в строгом подчинении производственным задачам. Это значит, что из наших скудных запасов мы, прежде всего, будем кормить тех, которые необходимы для производства, в тех отраслях, которые являются сейчас самыми важными, будем давать привиллегии тем предприятиям, которые являются сейчас наиболее жизненными, снабжая в первую голову и полнее тех рабочих, которые лучше, честнее выполняют свой трудовой долг. Это есть необходимейшая часть системы повышения производительности труда.

Наконец, карательные меры, от которых мы не можем уклониться по отношению к дезорганизаторам, шкурникам и дезертирам труда, должны показать серьезность положения тем элементам, которые не поддадутся всем другим способам воздействия.

Только систематическое применение всех перечисленных мер, их дальнейшее развитие, углубление, на основе общего под'ема уровня сознания в стране в течение ряда лет, десятилетий, не только обеспечит безусловное повышение производительности труда на основе согласованного, планового, общественно-принудительного хозяйства, но и даст такую высоту производительности, на какую никогда, ни при каком другом строе, труд не поднимался. Уяснение всех внутренних пружин этого вопроса должно явиться важнейшей составной частью как нашей агитации, так и практического разрешения наших хозяйственных задач.

IV. ТРУДОВЫЕ АРМИИ И ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ.

Второе возражение относительно трудармий сводилось к тому, что солдаты-де просто дезертируют при попытке перевести их на трудовой фронт. Это возражение диктовалось спектицизмом, недоверием к массе, недоверием к смелой организационной инициативе. Но разве не те же в основе своей возражения слышали мы, когда приступали к широким мобилизациям для трудовых задач? Нас и тогда пугали дезертирством, неизбежным после империалистической войны. Дезертирство, разумеется, было, но по проверке опытом оказалось, что оно армии не разрушило: связь духовная

и организационная, коммунистическое добровольчество и принуждение в совокупности своей обеспечили мобилизации, формирования и выполнение боевых задач. Армия победила. По отношению к трудовым задачам мы на основании этого опыта ждали тех же результатов. И не ошиблись. Красноармейцы вовсе не разбежались при переходе с военного положения на трудовое, как пророчествовали скептики. Наоборот, благодаря хорошо поставленной агитации самый переход сопровождался большим нравственным под'емом. Правда, небольшая часть солдат попыталась покинуть армию, но это бывает всегда, когда дивизия перебрасывается с одного фронта на другой, или из тыла отправляется на фронт, вообще подвергается встряске и когда потенциальное дезертирство превращается в активное. Но тут вступили сейчас же в свои права политотдел, пресса, органы борьбы с дезертирством и т. д., и сейчас процент дезертиров в первой, как и в других армиях труда, нисколько не выше, чем в наших боевых армиях.

Если, таким образом, мрачные пророчества оказались в корне несостоятельны, то, с другой стороны, неоспоримо, что производительность труда сейчас, сегодня, в наших трудовых армиях еще достаточно низка. Однако, в высшей степени знаменательно, что в самый первый период она была гораздо ниже, чем теперь. Когда мы читали сводки первых дней и недель применения бывшей 3-й армии на фронте труда, то выходило, что для заготовки кубической сажени дров нужно 15, а иной раз 20—30 красноармейцев. Цифра совершенно чудовищная, если принять во внимание, что 3—4 человека на сажень считаются нормой. Но по проверке оказалось, что в первый период воинские части были расположены от своих трудовых участков на расстоянии 5—8 верст, так что на переход расходовалась значительная часть рабочего дня. Оказалось, что большинство красноармейцев, из степных губерний, не знали, как повалить дерево, как распилить, расколоть и т. д. На месте не было необходимых инструкторов. Хозяйственные органы оказались неподготовленными к применению воинских частей. Нехватало инструментов и пр. и пр. Этих причин совершенно достаточно, чтобы об'яснить низкую производительность труда. Но возьмите последнюю сводку первой трудовой армии: из нее вытекает, что сейчас уже на куб. сажень дров приходится 5½ рабочих. Рядом с красноармейцами работают мо-

билизованные по трудовой повинности крестьяне. Их на кубическую сажень приходится 7 человек, так что производительность труда красноармейцев сейчас уже выше. Тов. Гусев делает такое же наблюдение в своей книжке о трудовой повинности.

И не мудрено, раз мы имеем перед собой не специализированных дровосеков, а воинскую часть, с одной стороны, и трудовую часть из мобилизованных крестьян, с другой. Большая точность военной организации, большая дисциплинированность, более высокий уровень развития, наконец, роль коммунистических ячеек— все это должно сказаться на результатах труда.

Самое важное для нас это то, что производительность труда военно-трудовых частей систематически повышается по мере применения некоторых элементарных приемов. Я не говорю о научной организации труда—до нее еще очень далеко—но достаточно деловой, не бюрократической постановки дела, чтобы добиться очень значительных результатов.

Под трудармией мы понимаем применение армии для трудовых задач, но это вовсе не значит, что применяться должна армия в целом, как она есть. Мы с самого начала отдавали себе отчет в том, что применение всего армейского аппарата, крайне громоздкого, для трудовых задач окажется нецелесообразным и до моей поездки, по поручению Ц. К., на Урал, в качестве председателя Совтрударма Первой, в Реввоенсовете было решено, что вопрос о судьбе аппарата 3-й армии, превращенной в 1-ю трудармию, будет зависеть от положения на кавказском фронте. Это был период временного замешательства, вскоре мы даже сдали на короткое время Ростов. Если бы наше положение на Кавказе оказалось тяжелым, мы должны были бы перебросить 3-ю армию с открытием весенней навигации по Волге (потому что по жел. дор. это было для нас почти неосуществимо), на Царицын—Астрахань. Мы поставили поэтому условием применения армии сохранение в неприкосновенности (до поры, до времени) армейского аппарата. Этот последний занимал тем большее место в 3-й армии, что последняя была лишена главных своих воинских частей, переведенных на другие фронты. Отсюда понятно, почему третья армия дала на первых порах небольшое количество работников. Предо мною схема этой армии. На 100% общего числа «едоков», занятых на административно-хозяйственных постах, приходится почти

21%; число людей суточного наряда (караульных и проч., при большом количестве армейских учреждений и складов), около 16%; число больных, главным образом, тифом—около 13%. Отсутствующих по разным причинам—до 25%. Таким образом свободная для работы наличность составляла всего 23%,—это максимум того, что можно было в тот период получить из данной армии. На самом деле работало в первое время около 14%, главным образом, из тех двух крупных воинских единиц, стрелковой дивизии и кавалерийской, которые только и оставались еще у армии.

При первой возможности, т.-е. сейчас же после нанесения решающего удара Деникину на кавказском фронте, мы армейский аппарат расформировали, передав обе дивизии Уральскому Окружному Военному Комиссариату. Территорию Уральского округа мы несколько изменили в соответствии с хозяйственными потребностями Урала. И в дальнейшем мы при первой возможности будем поступать так же, т.-е. будем расформировывать армейские аппараты, выделяя из них ячейки, которые необходимы как органы трудового управления, как подсобный аппарат округа или областного центра. Под трудовой армией не нужно, стало быть, понимать перенесение на фронт труда армейского аппарата в целом. На этой почве уже происходят недоразумения. Тов. Гусев обвинял Ц. К. в том, что мы как будто отказываемся от трудармии—на том основании, что в резолюции Ц. К. говорится о необходимости, где возможно, заменять армейский аппарат более экономным аппаратом для трудового управления воинскими частями.

У нас сейчас действует уже ряд трудовых армий—Первая, Петроградская, Украинская, Кавказская, Южно-Заволжская, Запасная,—последняя дала, как известно, значительное повышение провозоспособности Казанбургской дороги. И везде, где сколько-нибудь разумно был проделан опыт применения воинских частей для трудовых задач, результаты показали, что при рабоче-крестьянском государстве это путь безусловно правильный.

Что касается распределения военно-трудовых сил с точки зрения хозяйственных задач, то здесь в общем и целом можно установить соответствие с общим хозяйственным планом, о котором я говорил вначале: 35% трудармейцев применяется для транспортных задач, около 30%—для продовольственных, около

20%—для промышленности, тоже в значительной мере связанной с транспортом, около 10%—для земледельческих и около 5%—на всякие другие задачи.

Чисто трудовые мобилизации представляют еще крайне мало обследованную область; продвигаться по ней нужно, тщательно зондируя почву. Во всяком случае мы должны стремиться к тому, чтобы мобилизовать минимальное количество крестьянских рабочих сил, заменяя, где только возможно, мобилизацию—как правильно указывается в статье тов. Преображенского в «Правде», трудовой разверсткой, трудовым нарядом, т.-е. обязывая волости и села на поставку определенного количества дров, и т. п. После выполнения этих задач соответственные волости и села на известный период освобождаются от трудовой повинности. Это фактически широко практикуется всюду. Но этот способ все же не разрешает вопроса о мобилизации рабочей силы. На Урале, например, населенность волости не соответствует, а находится скорее в обратном отношении к размеру лесного фронта, что заставляло при капиталистическом строе «задалживать» крестьян отдаленных волостей и уездов, чтобы в известное время года перебрасывать их в лесные места, поближе к заводам. Система «задалживания» уступила теперь место трудовой мобилизации. Задача заготовки древесного угля на Урале может быть разрешена, наряду со многими другими задачами, только на основе правильной организации трудовой повинности. Наш Главный Комитет по трудовой повинности находится по отношению к этой области в таком же положении, в каком мы находились два года назад по отношению к Красной армии: приходится еще только нащупывать почву, делать опыты и присматриваться. На местах уже накопился немаловажный опыт. Об'единить этот опыт и обобщить его—есть дело исключительной важности. Главный Комитет по трудовой повинности должен использовать всех работников настоящего с'езда, которым есть что сказать по части проведения трудовой повинности. Необходимо в наш Главный Комитет по трудовой повинности включить некоторое количество практиков с мест, дабы работа не выродилась в канцелярщину, с той же целью необходимо некоторых членов Комитета послать на места. Руководящие линии ясны. Только тщательнейшая и детальнейшая проверка на опыте избавит нас от грубых и тяжелых ошибок, которые могли бы самым тяжким образом отразиться на работе.

V. ОТ ЦЕНТРАЛИЗМА ТРЕСТОВ К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ЦЕНТРАЛИЗМУ.

В своей работе на Урале я тверже, чем когда бы то ни было, убедился в том, что вопрос о волоките и бюрократизме в области нашего хозяйства не сводится вовсе к борьбе с отдельными бюрократами, с бюрократическими навыками каких-либо спецов и пр.— такое представление, довольно широко распространенное, крайне поверхностно. Каждый и всякий охотно готов подмахнуть резолюцию о борьбе с волокитой и бюрократизмом. Эта «борьба» приняла по этому довольно-таки бюрократический и волокитный характер. На самом деле беда заключается в том, что бюрократизм и волокита заложены в самую структуру наших хозяйственных учреждений. Как в области организации труда мы находимся в переходной стадии и применяем методы, которые должны рабочего отучить от навыков и приемов свободного рынка и приучить к применению его силы для планового хозяйства, так в области организации самого производства, конструкция наших хозяйственных органов еще носит на себе все черты переходного периода.

Наша промышленность сгруппирована в 53 главках и центрах, которые соединены в 8—9 отделах. Эти главки или центры выросли из синдикатов и трестов буржуазно-капиталистической промышленности. Они были расширены, видоизменены, дополнены, но в основу были заложены те организационные формы, которые имелись при капитализме в наиболее передовых отраслях промышленности. В первый период существования советского хозяйства наши главки и центры имели в значительной степени синдикатский характер: они распределяли продукты,—не те, которые производились, а те, главным образом, что остались от прошлого. Чем дальше, тем больше они принимают или стремятся принять характер трестов, которые организуют и нормируют или пытаются организовать производство в общегосударственном масштабе. Возвышаясь рядом друг с другом, эти 53 главка, уже охватывающие сейчас все основные отрасли нашего хозяйства, на вершине своей соединяются в трест всех трестов—Высший Совет Народного Хоз. По организационной идее главки об'единяются только наверху,—внизу, с самого дна, нет никаких поперечных связей, никаких каналов, которые соединили бы тресты или пред-

приятия разных трестов друг с другом. Такой принцип организации хозяйства есть первый, грубый, черновой набросок социалистического, т.-е. планового хозяйства. Такого рода сосредоточение всего управления в единой всеохватывающей верхушке предполагает, что центральный аппарат управления промышленностью является идеальным аппаратом учета и распределения в полном соответствии с единым хозяйственным планом. Другими словами, это предполагает, что под руками Рыкова и его коллег имеется идеальная клавиатура, так что, ударив по известному клавишу, можно в любое время перебросить надлежащее количество угля, дров, рабочей силы туда, где этого требует выполнение хозяйственного плана. Конечно, ни в одном ведомстве, а тем более в ведомстве В. С. Н. Х., наиболее сложном и громоздком, такой идеальной социалистической клавиатуры, еще, к сожалению, нет. Что при этом происходит? Трест капиталистический живет в атмосфере рынка; местные предприятия треста часть материалов и средств производства получают непосредственно из рук главного управления по оптовой закупке, другую часть покупают на местном рынке. Товары, покупаемые предприятиями треста, как и товары, продаваемые ими, совершают свое движение, подчиняясь течению рыночных цен. У нас этого нет и не может быть, ибо мы ликвидируем рынок плановым производством и распределением. Это есть величайшее завоевание. Упразднение вольного рынка есть упразднение конкуренции, спекуляции, эксплоатации. Но в то же время мы далеки еще от фактического проведения того единого хозяйственного плана, который окончательно преодолеет стихийную работу законов конкуренции. Из этого переходного состояния—в условиях разрухи и нищеты—вытекают все затруднения В. С. Н. Х. Он вырабатывает хозяйственный план. Этот план продиктован централистическим взглядом на хозяйственные задачи. Но план на самом деле осуществляется на месте нередко в размере лишь 10%. Мы имеем, стало-быть, пока еще довольно платонический централизм, если план осуществляется в размере одной десятой части. Почему это? Потому, что каждый наш хозяйственный план является пока что уравнением со многими неизвестными. Это не есть осуждение В. С. Н. Х., это только характеристика того, что есть на самом деле, и чего не может не быть в переходную эпоху.

Как выглядит это уравнение со многими неизвестными, я наблюдал на Урале. Есть дрова, есть овес, есть пшеница, рабочие силы, заводы, оборудование, но все это не согласовано, не скомбинировано. Отсюда непропорционально малые результаты. Во время моего пребывания мне указывали на такой факт, например, что в одной приуральской губернии люди едят овес, в то время, как в соседней—лошади едят пшеницу, и Губпродком не имеет права перебросить пшеницу в соседнюю губернию и обменять на овес, в чем, казалось бы, не было ущерба планам Наркомпрода, потому что общая сумма обоих продуктов осталась бы той же самой, только люди ели бы пшеницу, а лошади—овес, что, насколько известно, больше отвечает вкусам как тех, так и других. Этот анекдот выражает довольно ярко наши обще-хозяйственные затруднения *организационного* порядка, т.-е. такие, которые вытекают не из бедности и истощения, а из несогласованности и путаницы, из крайней незрелости нашего планового хозяйства. Сплошь да рядом выходит, что центр не знает, а места не смеют.

Местные хозяйственные органы запрашивают главки о том или другом разрешении: использовать материалы, перебросить оборудование или рабочую силу и пр. Главк, который не может ориентироваться во всем переплете связей и отношений, чтобы спасти положение, по общему правилу отмалчивается, опасаясь сказать что-либо невразумительное. Сколько приходилось слышать жалоб на то, что мы, мол, обращались несколько раз в центр и никакого ответа. Конечно, неизвестно, донесла ли проволока самый запрос до Москвы, ибо и этот главк, почтово-телеграфный, крайне ослаблен войной и разрухой. Но если запрос доходит до сведения главка, то последний, как сказано, не всегда знает, что сказать.

Товарищи, то, что было до сих пор, длиться не может, особенно в районах, удаленных от центра. Мы сделали в этом отношении на последнем с'езде советов шаг вперед, расширив самостоятельность местных хозяйственных учреждений. Эти решения должны быть проведены в жизнь, должны наполниться содержанием хозяйственного опыта. Главки-тресты должны не противопоставлять себя местным хозяйственным органам, а питаться их инициативой и оплодотворять их своей идейной и материальной поддержкой. Между главком и местным хозяйством, как и

между предприятиями разных главков, на месте должна установиться местная связь, учитываемая центром и регулируемая его инструкциями.

Трестовский централизм именно благодаря своей прямолинейности вынуждает прибегать ко всяким чрезвычайным вспомогательным средствам. Одним из наиболее распространенных является посылка особоуполномоченных. Не имея возможности разобраться в многочисленных неизвестных своего хозяйственного плана, главк посылает на место своего особоуполномоченного. Эта советская категория, к которой я имел определенное отношение и раньше, стала мне окончательно ясна после моего пребывания на Урале. Я думаю, что институт особоуполномоченных нужно сдать в музей, где будут показывать, при помощи каких первобытных орудий Советская власть в первый период пыталась насаждать централизм (аплодисменты).

Особоуполномоченных посылают решительно все ведомства, как только открывается новая неисследованная территория в виде Сибири или Урала. Теперь, после освобождения Беломорского и Мурманского края, каждое уважающее себя ведомство спешит послать туда своих уполномоченных. Каждый такой уполномоченный, как только приезжает, скажем, в Архангельск, весьма скоро отрывается от центра, уже хотя бы потому, что связь действует плохо. Ему вдогонку вскоре посылается второй уполномоченный, который, приехав на место, довольно энергично начинает мешать работе первого. Заводится склока, при чем особоуполномоченные не всегда имеют возможность снестись с центром, откуда необходим чрезвычайно-уполномоченный, чтобы их разнять (аплодисменты). На Урале были такие случаи, когда уполономоченный В. С. Н. Х. наталкивается на другого уполномоченного, одного из важнейших отделов В. С. Н. Х.,—они друг о друге совершенно не знают и каждый распоряжается по-своему. Но когда особоуполномоченный В. С. Н. Х. желает найти особоуполномоченного Наркомпрода, без которого он ничего не может сделать, так как без своевременной доставки продовольствия он не приведет в движение ни одного завода, то такого, крайне необходимого ему уполномоченного он не находит. Несогласованность распоряжений разных центральных ведомств имеет нередко вопиющий характер. Такое положение абсолютно нетерпимо.

Я знаю, что товарищи, которые сочувствуют моим словам, состоят из представителей двух умонаклонений—одни, которые относятся к главкам и их уполномоченным с точки зрения чисто местной: «нельзя ли как-нибудь по-боку весь централизм», и другие, стоящие на точке зрения более высокого централизма, который должен сменить нынешнюю, прямо-таки гибельную, главкократию, являющуюся особой исторической формой злейшего бюрократизма. Эта переходная форма вынуждает нас вопить и стенать против бюрократизма, но до тех пор, пока мы не сделаем более гибким, более подвижным, более приспособленным к тому, что происходит на местах, самый аппарат хозяйственного управления, мы решительно никакого успеха в борьбе с бюрократизмом иметь не будем. Я уже сказал, что инструкции об отношении мест и центра, которые были выработаны В. С. Н. Х. на основе резолюций последнего с'езда советов, открывают кое-какой просвет. Мы на них смотрим, как на серьезный шаг вперед в деле построения планового общегосударственного хозяйства, т.-е. на пути от главкократии и от централизма трестов к подлинному социалистическому централизму.

Другой способ приспособления центрального аппарата к местным условиям, придания большей гибкости нашим главкам и тем самым обуздания нашей главкократии знаменуют собою областные хозяйственные органы, которые необходимо признать и создать и которые фактически создаются в ряде областей—только под другим флагом. Мы создали трудовые армии. По первоначальной мысли это организации применения воинских сил на месте по заказу хозяйственных органов. На деле оказалось, что везде, где учреждены трудовые армии, немедленно вокруг них кристаллизуется областной хозяйственный центр. Мы в Екатеринбурге, можно сказать, не заметили, как через некоторое количество дней работы фактически превратились в областной хозяйственный орган, при чем каждый из ведомственных членов Совтрударма по своей линии устанавливал, что это прекрасно, но почти запрещено,—работа в высшей степени полезная, но почти нелегальная. Легализовать эту работу, т.-е. признать, что в отдаленных областях с ярко выраженной хозяйственной физиономией, необходимы областные органы,—не на основе громоздкой выборности и восстановления старого эгоистического областничества, а

на основе представительства сверху вниз, от основных хозяйственных центров, т.-е. другими словами, нужно, чтобы ВСНХ имел на Урале не того или иного временного уполномоченного, который догоняет другого столь же временного уполномоченного, а чтобы там имелось постоянное полномочное представительство ВСНХ, мимо которого никакие особоуполномоченные не поднимали бы хаоса и чтобы представитель ВСНХ был тесно связан с представителем Наркомпрода, Наркомпути, Наркомзема, чтобы при них был Уральский областной комитет по трудовой повинности, который в районе Урала мог бы производить трудовые мобилизации и перебрасывать рабочую силу из одного района в другой. Само собой разумеется, что как часть не может быть больше целого, так и хозяйственная агентура не может иметь больше прав, чем делегировавший ее центр, следовательно, отношение этой областной агентуры к местам должно определяться соответственными постановлениями последнего с'езда Советов. Словом, Совтрударм есть протянутый из центра орган, для того, чтобы лучше видеть, что делается на местах, и для того, чтобы, сообразно с этим, лучше применять силы и средства. Пусть это временный, но безусловно необходимый орган. Я заметил, что более слабые местные организации отмахиваются от создания областных органов, но более крепкие, т.-е. более рабочие губернии понимают необходимость такого шага и поддерживают его.

VI. КОЛЛЕГИАЛЬНОСТЬ И ЕДИНОЛИЧИЕ.

Теперь позвольте остановиться на вопросе непосредственного управления промышленностью, ее предприятиями и об'единениями предприятий. Этого вопроса касался с широкой исторической точки зрения т. Ленин, касались и товарищи, возражавшие ему. Я подойду не столько с теоретической, сколько с практической стороны к вопросу о коллегиальности и единоличии. Я должен прежде всего отвести одно обвинение, часто направляемое против тех, которые выступают в защиту единоличия. Некоторые товарищи говорят: «Это наши недавно рожденные партийные военспецы пытаются из военной области незрелый опыт свой перенести в хозяйственную область. Может-быть, в военной области этот опыт хорош, но в хозяйственной он никуда не годится!» Такое возражение неправильно во всех отношениях. Совершенно

неверно, будто в армии мы начали с единоличия; даже и теперь мы еще далеко не целиком перешли к нему. Неверно и то, будто в защиту необходимости установления единоличных форм управления хозяйственными предприятиями с привлечением специалистов мы стали выступать на основании военного опыта. Я позволю себе тут сослаться на доклад, читанный на московской городской конференции именно по этому вопросу ровно два года тому назад, т.-е. тогда, когда об опыте военного строительства у нас еще не могло быть и речи. Вот что говорилось в докладе, который был одобрен московской городской конференцией: «Сейчас, в период, когда власть Советов обеспечена, борьба с саботажем должна выражаться в том, чтобы вчерашних саботажников превратить в слуг, в исполнителей, в технических руководителей там, где это нужно новому режиму. Если мы с этим не справимся, если не привлечем все те силы, которые нам необходимы, и не поставим их на советскую службу, то наша вчерашняя борьба с саботажем, борьба военно-революционная, была бы тем самым осуждена, как совершенно напрасная и бесплодная.

«Как и в мертвые машины, так и в этих техников, инженеров, врачей, учителей, вчерашних бывших офицеров, в них вложен известный наш народный, национальный капитал, который мы обязаны эксплуатировать, использовать, если мы хотим вообще разрешить основные задачи, которые стоят перед нами.

«Демократизация не состоит вовсе в том,—это азбука для всякого марксиста,—чтобы упразднять значение квалифицированных сил, значение лиц, обладающих специальными познаниями и замещать их выборными коллегиями везде и всюду.

«Выборная коллегия, состоящая из самых лучших представителей рабочего класса, но не обладающих необходимыми техническими познаниями, не может заменить одного техника, который прошел специальную школу и который знает, как делать данное специальное дело. Тот разлив коллегиальности, который наблюдается у нас во всех областях, является совершенно естественной реакцией молодого, революционного, вчера еще угнетенного класса, который отбрасывает единоличное начало вчерашних повелителей, хозяев, коман-

диров и везде ставит своих выборных представителей. Это, говорю я, совершенно естественная и в источниках своих совершенно здоровая революционная реакция. Но это не есть последнее слово хозяйственного государственного строительства пролетарского класса.

«Дальнейший шаг должен состоять в самоограничении коллегиального начала, в здоровом и спасительном самоограничении рабочего класса, который знает, где может сказать решающее слово выборный представитель самих рабочих и где необходимо очистить место технику, специалисту, который вооружен известными познаниями, на которого нужно возложить большую ответственность и который должен быть взят под бдительный политический контроль. Но необходимо специалисту предоставить возможность свободной деятельности, свободного творчества, потому что ни один сколько-нибудь способный, даровитый специалист в своей области не может работать, подчиняясь в своей специальной работе коллегии людей, которые не знают этой области. Политический коллегиальный советский контроль всюду и везде, но для исполнительных функций необходимо назначать специалистов-техников, ставить их на ответственные посты и возлагать на них ответственность.

«Те, которые боятся этого, те бессознательно относятся с глубоким внутренним недоверием к советскому режиму. Те, кто думает, что привлечение к руководству техническими специальными постами вчерашних саботажников грозит самым основам советского режима, те, с одной стороны, не отдают себе отчета в том, что не о какого-нибудь инженера, не о какого-нибудь вчерашнего генерала может споткнуться советский режим,—в политическом, в революционном, военном смысле советский режим непобедим,—а он может споткнуться на своей собственной неспособности справиться с творческими, организационными задачами.

«Ему необходимо извлечь из старых учреждений все то, что там было жизнеспособного, ценного и запрячь все это в новую работу.

«Если мы этого, товарищи, не сделаем, то мы с нашими основными задачами не справимся, ибо выставить из своих недр в кратчайший срок, выдвинуть из своей среды всех не-

обходимых специалистов, отбросивши все то, что было накоплено в прошлом, это было бы невозможным.

«В сущности говоря, это было бы то же самое, как если бы мы сказали, что все те машины, которые доселе служили для эксплуатации рабочих, мы теперь отбрасываем. Это было бы безумием. Привлечение ученых специалистов для нас так же необходимо, как и взятие на учет всех средств производства и транспорта и всех вообще богатств страны. Нам надо и притом безотлагательно взять на учет техников-специалистов, которые у нас есть, и на деле ввести для них трудовую повинность, предоставивши им в то же время широкое поле деятельности и взявши их под политический контроль».

Это мы говорили на московской конференции два года тому назад, 28 марта 1918 года, и представителями московского рабочего класса это было одобрено и в свое время напечатано. Так что говорить сейчас, будто все это новые выдумки зеленых военспецов—чистейшие пустяки. На самом деле, мы в этом вопросе исходили и исходим из чисто марксистского понимания революционных задач и творческих обязанностей пролетариата, взявшего в свои руки власть. Необходимость преемственности накопленных в прошлом технических знаний и навыков, необходимость привлечения специалистов, их широкого использования, чтобы техника пошла не вспять, а вперед, это понималось и признавалось нами не только с самого начала революции, но и задолго до октября. Я полагаю, что если бы гражданская война не ограбила наши хозяйственные органы, забравши оттуда все наиболее крепкое, инициативное, самостоятельное, то несомненно, что вступление на путь единоличия в области хозяйственного управления совершилось бы раньше и безболезненнее.

Тов. Осинский и некоторые другие смотрят на аппарат управления хозяйством, как на школу. Это, конечно, в корне неверно. Задача органов управления—управлять. Кто хочет и способен учиться управлять, пусть идет в школу, на специальные инструкторские курсы, пусть идет в помощники, присматриваться и накоплять опыт, но кто назначается в правление завода, тот идет не в школу, а на ответственный административно-хозяйственный пост. Но если даже смотреть

на этот вопрос под ограниченным и потому неправильным углом зрения «школы», то я скажу, что при единоличии школа получается в десять раз лучшая, потому что, если вы и не замените одного хорошего работника тремя незрелыми, то, поставивши коллегию из трех незрелых на ответственный пост управления, лишаете их возможности отдать себе отчет в том, чего им нехватает. Каждый озирается на других при решении и винит других при неудаче.

«Это вопрос не принципиальный»,—подтверждают те из товарищей профессионалистов, которые не путают вопроса о коллегиальности с вопросом о самодеятельности пролетариата. Что это не есть вопрос принципа, лучше всего показывают противники единоличия тем ,что не требуют для мастерских, для цехов, для рудников коллегиальности. Да, говорят они с возмущением,—одни только сумасшедшие могут требовать, чтобы мастерской управляла тройка или пятерка: должен быть один заведующий цехом, и только. Почему? Если коллегиальное управление есть «школа», то почему нам не нужна школа низшего типа? Почему и в мастерских не завести коллегии? Почему у наших коллегиальщиков нехватает мужества этого потребовать? Потому, что такое мужество слишком походило бы на абсурд. Но если это не является священным заветом для мастерских, почему же это является священным заветом для завода? Некоторые товарищи говорили мне: «Конечно, это вопрос не принципиальный. Мы готовы итти и на единоличие. Но на практике от этого метода единоличия затылки у многих трещат, особенно когда единоличие применяется военным ведомством». Зная, как часто военное ведомство погрешает в отношении к хозяйственным органам, я спрашивал своих собеседников, какие именно случаи они имеют в виду. Они указывали в ответ на особоуполномоченных Чусоснабарма... Да, это орган снабжения армии, стало-быть, военный орган; но я вспоминаю, что вся организация снабжения была, с нашего согласия, отнята у военного ведомства и сосредоточена у т. Рыкова. А т. Рыков у нас известный сторонник, защитник, провозгласитель и охранитель коллегиальности. Вы почитайте статьи и речи т. Рыкова,—это почти что ода в честь коллегиального начала. И какое в них

звучит презрение к нам, сторонникам приближения к единоличию в области хозяйственного управления. Но, товарищи, я вам советую судить о Рыкове в этой области не по словам, а по делам его (смех и аплодисменты.) Когда, товарищи, не без моего участия, т. Рыков назначался диктатором военного снабжения—в минуту, когда нам грозила полная гибель, когда у нас каждый патрон был на счету и мы претерпевали жестокие поражения за отсутствием патронов,—т. Рыков, как вы знаете, прекрасно справился с своей задачей, но... он поставил первым условием проведение... **единоличия** (смех, аплодисменты). Ему единолично, товарищи, был подчинен весь аппарат Совнархоза целиком, коллегиальности не было заведено, Чусоснабарм является диктатором. Он посылал своих особых уполномоченных в отдельные районы, подчиняя им воензаги и губсовнархозы. На местах все коллегии трещали от этого чусоснабармского единоличия, но это было безусловно необходимо.

Рыковские особоуполномоченные на Урале посылали на заводы и фабрики своих собственных особоуполномоченных и эти особоуполномоенные особоуполномоченного чрезвычайно уполномоченного т. Рыкова на заводах и на фабриках, где были расхлябанные коллегии, проводили единоличие, а т. Рыков, благодаря твердому порядку управления, имел досуг и писал статьи в пользу коллегиальности (аплодисменты).

Относительно коллегиальности в резолюциях московской губернской конференции на одну сторону уже обратил внимание т. Ленин. Позвольте мне обратить внимание на другую сторону. В резолюции сказано, что коллегиальность есть школа взаимного обучения. Станем на эту почву. А дальше,—дальше сказано: «В ближайшее время принципом построения органов управления является сокращенная коллегиальность». Почему сокращенная? Если это взаимное обучение, то зачем его сокращать? Но мало этого. Посмотрим дальше: «Председатель, при расхождении с ним коллегии, приводит свое решение в исполнение, а коллегия может жаловаться в высшую инстанцию, не задерживая исполнения». Вот так коллегия! Жаловаться может каждый гражданин, «не задерживая исполнения». Получается, таким образом, что «в принципе» колле-

гиальность есть высшее слово организации, академия обучения и пр., но потом следует примечаньице, что это обучение должно быть сокращенным, что председателю нужно дать все права, а коллегии—право жаловаться,—ни дать, ни взять тов. Рыков. Выходит так, будто мы заинтересованы в том, чтобы разрабатывать, выдвигать и провозглашать одно, а на деле контрабандой проводить другое. Нет, товарищи, в такой политике мы не заинтересованы.

Неправда, будто бы рабочий класс противится проведению единоначалия. Никогда. По этому поводу один товарищ метко заметил: «Я наблюдал в Москве недовольство и даже стачки рабочих по разным поводам, особенно на железных дорогах, но никогда не случалось, чтобы протестовали по поводу того, что на железных дорогах управляет не коллегия, а одно лицо, никогда не было, чтобы рабочие сказали: «Уберите этого начальника или комиссара, хотя он и толковый человек, но так как Рыков сказал, что нужна коллегиальность, мы требуем устранить нашего комиссара». Таких случаев не было. Если рабочие недовольны, то уже по существу... «Уберите,—говорят они,—этого начальника, ибо он бездельник, или дурак». Но это может относиться и к коллегии.

Рабочие прекрасно понимают, что их самодеятельность вовсе не выражается в том, стоят ли во главе завода три человека или один. Бесспорно, рабочие глубоко заинтересованы в том, чтобы повысить свою способность к управлению, т.-е. обучиться, но это достигается тем, что правление завода периодически отчитывается перед всем заводом, при чем обсуждается хозяйственный план, и все рабочие, которые проявляют серьезный интерес к делу промышленной организации, берутся на учет, проводятся через соответственные курсы, связанные с практической работой на заводе, назначаются после того сперва на менее ответственные, затем на более ответственные посты... Таким путем мы захватим сотни, в дальнейшем тысячи. Вопрос же о тройках, пятерках интересует не рабочие массы, а более отсталую, более слабую, менее пригодную для самостоятельной работы часть рабочей бюрократии (аппликменты). Передовой, сознательный, твердый рабочий-администратор естественно стремится взять за-

вод в свои руки целиком, показать, что он может управлять. А если это администратор слабенький, не твердо стоит на ногах, шатается, ему хочется притулиться к другому, ибо вместе с другими незаметна будет его слабость. В такой коллегиальности есть глубоко опасное начало—угашения личной ответственности. Если он способен, но еще слаб, ему нужен, стало-быть, руководитель; под его рукой он подучится, завтра мы его назначим заведующим на маленький завод. Таким путем он будет итти вперед. А в случайной коллегии, где сила и слабость каждого неясны, чувство ответственности неизбежно угашается.

Наша резолюция говорит о систематическом приближении к единоначалию, разумеется, не одним росчерком пера. На пути возможны различные варианты и комбинации. Где рабочий может справиться один, поставим его руководителем завода, дадим ему помощника спеца. Где спец хорош, поставим его начальником и дадим ему помощника, двух или трех, из рабочих. Это единственно серьезное отношение к делу и только таким путем мы подойдем к правильной организации производства.

VII. ГЛАВПОЛИТПУТЬ.

Товарищи, еще один — последний принципиальный вопрос, который возбуждает толки и разноречия и который должен быть разрешен на этом с'езде ясно и недвусмысленно, если вы хотите, чтобы в разрешении хозяйственной задачи первой очереди, именно в деле транспорта, мы сделали серьезный шаг вперед. Я говорю о Главполитпути. Некоторые товарищи, затрагивавшие этот вопрос мимоходом, указывали, что они почти все принимают из тезисов и политики Ц. К. Но они не могут и не хотят принять Главполитпуть, при чем одни говорят, что это есть удар по профессиональному союзу, другие утверждают, что это есть разрушение партийной организации. Вы знаете, что харьковская губернская конференция вынесла по этому поводу резолюцию, где сказано, что Главполитпуть есть отрицание всякой коммунистической, всякой партийной дисциплины. Товарищи, это вопрос чрезвычайной остроты и огромной практической важности. Его нуж-

но уметь поставить для того, чтобы дать на него правильное разрешение, от которого зависит, сделаем ли мы шаг вперед в области транспорта или нет. Разумеется, совершенно очевидно для каждого из нас, что не может быть и речи о замене профсоюза, а тем более партийной организации политотделами, создаваемыми Ц. К. Выбранный на с'езде Ц. К. не может считать, что история завершила свою задачу, после того, как его выбрали, и он не может из себя создавать политотделы, при помощи которых будет управлять всей страной в экономическом и во всех других отношениях. Разумеется, это была бы абсурдная идея. Но вопрос стоит вовсе не так. Профсоюзы не одинаковы, не однородны; задачи, которые перед ними стоят, отличаются не одинаковой остротой и очередностью. Если бы мы сказали, что все профсоюзы необходимо заменить политотделами, это означало бы практически, что мы ставим крест на массовых организациях рабочего класса. Об этом, конечно, не может быть и речи.

Но, с другой стороны, Ц. К., опираясь на передовые слои рабочего класса, в известных условиях имеет право и обязанность прибегнуть к чрезвычайным организационным мерам по отношению к отсталым элементам рабочего класса, которым вручен такой инструмент, как транспорт. Главполитпуть и есть орган коммунистического пролетариата для твердого и быстрого воздействия на отсталые элементы железнодорожных работников. Нам приходится делать исключительные организационные усилия для поднятия данной отрасли хозяйственной жизни. Аппаратом этих усилий и является Главполитпуть.

Тут тов. Сырцов, который в общем защищал политику Ц. К. партии, сказал: «Я принимаю политотделы по отношению к армии, ибо армия передвигается с места на место, ее не могут обслуживать местные комитеты. Но,—говорит он,—я не принимаю политотделов по отношению к железным дорогам». Тов. Сырцов считает, что так как армия движется, то политотделы нужны, что же касается железных дорог, то они у нас не движутся (смех) и им поэтому политотделы не нужны. Я же думаю как раз наоборот: именно то обстоятельство, что у нас ж. д. отличаются тем, что их трудно привести в движение, вынуждает создать чрезвычайный орган в виде Главполитпути.

Конечно, если бы союз железнодорожников стоял на уровне профсоюза металлистов, который далеко не является идеальным, но все же самым передовым, если бы подлинные коммунистические элементы имели решающее значение в союзе, то нам не понадобилось бы Главполитпути. Но вы знаете, что этого нет. Рабочие массы на железных дорогах—не только правленцы, но и низы—заключают в себе еще очень большое количество элементов, оставшихся от эпохи рухловщины. Профсоюз железнодорожников—один из самых слабых и отсталых. Задача партии—его укрепить, и это будет сделано,—но не так скоро. Скажет ли здесь кто-нибудь, что мы можем поставить возрождение транспорта в зависимость от того темпа, в каком пойдет улучшение профсоюза железнодорожников? Кто скажет, тот не понимает обстановки. Союз железнодорожников нужно перевоспитать, дисциплинировать, укрепить, придать сюда необходимых работников и выкинуть всю шваль, покарать злостных саботажников. Для этого нужна большая агитационная и организационная работа, а для серьезных успехов нужно год—два. Между тем, ближайшие недели являются решающим моментом в жизни нашего транспорта. Нужны исключительные меры, далеко обгоняющие темп улучшения союза железнодорожников. Кто может принять эти меры? Организованный рабочий класс, в лице своих более сознательных элементов. Неизбежные меры, меры принуждения, исходят в основе своей от рабочего класса в целом и проводятся наиболее сознательными элементами по отношению к шкурническим, развращенным частям народа. Так обстоит вопрос с Главполитпутем по отношению железнодорожников. Как он стоит по отношению к партийным организациям? Безусловно, ошибаются те товарищи, которые думают, что в ближайший период, когда мы производим экстренную мобилизацию работников для транспорта, снимая их со всяких постов, что местные партийные учреждения, губернские и уездные, могут распределить этих работников по линиям, подчинить их определенному режиму, связать их воедино и обеспечить партии рычаг воздействия на железнодорожную массу. Нам нужен стальной рычаг на каждой линии. Местные организации с этой задачей справиться не смо-

гут, именно потому, что они местные. Вы скажете: но может справиться центральная организация. Совершенно верно. Но главное политическое управление и есть не что иное, как орган Ц. К., для сосредоточения наиболее энергичных работников в области транспорта, для их правильного распределения и для поднятия при их помощи на более высокую ступень всей остальной массы. От подобного органа Ц. К. не может отказаться,—так же, как и Наркомпуть. Это сейчас единственный серьезный рычаг, чтобы в короткий срок поднять работу. Местные организации, которые законно заинтересованы в планомерности своей политической работы, не могут стать проводниками тех чрезвычайных методов, которые—не будем этого скрывать—иногда очень похожи на насилия над местными партийными организациями. Эти насилия, однако, неизбежны и необходимы. И лучшие партийные организации, как петербургская, как московская, сознательно и с полной готовностью поступаются—на время—частью своих прав. Кто протестует против Главполитпути? Харьков. Может-быть, Харьковская губернская конференция со своими полумахновскими настроениями хочет поучать питерский и московский партийные комитеты дисциплине? Нет, мы предпочитаем учиться у петербугских и московских передовых коммунистов, а у харьковской организации учиться еще подождем (аплодисменты).

От разрешения этого вопроса зависит слишком многое. Когда дело транспорта придет в порядок, и железные дороги начнут двигаться, тогда, само собой разумеется, войдет в колею и нормальная партийно-политическая работа в области железнодорожного транспорта. Главполитпуть будет расформирован, его учреждения и органы будут растворены, либо включены в профсоюз и комиссариат путей сообщения, поскольку они имеют отношение к административному аппарату. Главполитпуть есть временный орган, но орган исключительной важности.

Если бы здесь этот орган в тех или других отношениях обкарнали, вы этим дали бы только удовлетворение худшим элементам среди железнодорожников,—элементам шкурничества и демагогии, которых на железных дорогах не мало и

которые нередко становятся под знамя принципиальной коллегиальности, самодеятельности и т. д., а на самом деле проводят систематический шкурный саботаж и подрыв транспорта.

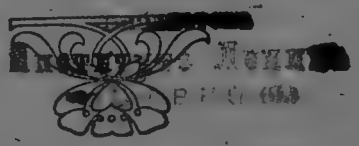
Ваше решение по этому поводу будет иметь для комиссариата путей сообщения и для дела транспорта исключительное значение. Повторяю, Главполитпуть есть временный орган, а профсоюз железнодорожников имеет неизмеримо большее историческое значение. Но сейчас нам необходим Главполитпуть, как ключ ко всей позиции. Время имеет, товарищи, большое значение в истории,—ведь и диктатура пролетариата—тоже временное учреждение. Мы уберем ее, когда доведем до известного этапа наше социалистическое строительство. Диктатуру Главпути в области организации транспортной рабочей силы мы уберем, может-быть, через 2—3 месяца, если работа пойдет очень хорошо, а, может-быть, только через полгода, или год, если работа пойдет медленнее.

Но пока мы не имеем права убрать этот орган, мы должны его укреплять,—прежде всего поддержкой и авторитетом с'езда коммунистической партии, чтобы никто не смел поднять голоса против этого органа, всуе призывая имя партии. Этой поддержки мы ждем!

Товарищи, авторитет коммунистической партии нужен советским работникам во всех тех хозяйственных задачах, перед которыми мы сейчас стоим. Мобилизацию широких рабочих масс, и прежде всего крестьян, всеобщую повинность труда мы не сможем провести, не вовлекая идейно-передовые слои трудящихся не привлекая их классовой совести к этому делу, не пробуждая трудовой чести и чувства социалистического долга. Эта воспитательная задача потребует большого напряжения энергии в течение значительного количества времени. Наша агитация будет чем дальше, тем больше изменяться по содержанию в зависимости от вопросов, выдвигаемых жизнью. Она все больше будет заниматься вопросами хозяйственными, вопросами естествознания и технологии. Надо, чтобы каждый рабочий, каждая крестьянка знали тот физический мир, который нас окружает и силы которого не всегда нам благоприятны. Развитие наше состоит в борьбе с этими силами и в подчинении их себе. Мы преодолеем разруху

в бумажной и типографской промышленности и поставим книгопечатание несравненно выше, чем сейчас. Необходимо будет развить огромную устную и печатную пропаганду для того, чтобы очистить мироздание от потусторонних сил, от бога и его ангелов,—кроме тех ангелов, разумеется, которых оппозиция хочет ввести в Ц. К. Эти останутся. Берутся они из Украины, где даже некоторые бандиты называются Ангелами (смех).

Необходимо показать широким массам хозяйственный план, на основании которого наш партийный и советский аппарат производит мобилизацию широких масс. На-ряду с содержанием нашей агитации и пропаганды имеет огромное моральное значение самый факт единства воли нашей партии. Если бы мы после этого с'езда перед лицом колоссальных задач выступали шатаясь и спотыкаясь, продолжая препирательства на тему о «принудительном» труде и применении воинских частей для труда, это означало бы крушение нашей хозяйственной системы, ибо если крестьянин-середняк и отсталый рабочий и не все поймут сегодня в нашей работе, то они почувствуют, несомненно, единство нашего сознания и воли. На исторической сцене перед ними проходили разные государственные формы, разные силы, разные партии. Они увидели в этом чередовании только одну партию, которая ясно знает, чего хочет, которая говорит то, что твердо знает, говорит в полную меру своего голоса и свою железную волю применяет для того, чтобы осуществить на деле то, чего хочет. Те резолюции, которые мы теперь принимаем, должны быть проникнуты единством партийной воли. Если, товарищи, вы дадите трудящимся это единство партийного сознания и воли, вы совершите величайшую задачу во всемирной истории!



1 р.

Цена 6 руб.